

Городская партисипативность в социологическом дискурсе

А. А. Бесчасная¹✉, Н. Н. Покровская^{2, 3}

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,

✉aabes@inbox.ru

Введение. В настоящее время среди городского населения становится популярной социальная практика партисипативности, т. е. активного участия в преобразовании городского пространства в интересах жителей. Изучение данного феномена представляет интерес в связи с его очевидной интегрированностью в управленческие решения. Партисипативность в синонимичных лексемах находит свое отражение во многих эмпирических исследованиях. Расширение практик реализации социальной активности населения и изучение компонентов партисипативности обуславливают постановку цели написания статьи – формирование теоретико-методологического базиса изучения данного феномена.

Методология и источники. В работе представлен аналитико-синтетический обзор классических и современных социологических теорий, которые раскрывают потенциал эмпирического изучения аспектов проявления партисипативности городских жителей. Среди упоминаемых авторами – теории социального действия, социальной солидарности, феноменология, социальный конструктивизм.

Результаты и обсуждение. Зачастую жизнь в городе вскрывает проблемы, затрагивающие многих жителей. Проблемный характер проживания в городах и проникновение этих проблем в повседневное взаимодействие горожан формирует истоки солидарного участия горожан – индивидуально-частные интересы образуют коллективные действия-процессы. Множественные индивидуальные формы активности горожан по городскому благоустройству преобразуются в партисипативность – институционализированную деятельность по совместному управлению, принятию решений по городским проблемам. Ее участники могут занимать позиции в социальной структуре городского сообщества, дифференцированные по критериям наличия разнообразного опыта взаимодействия, т. е. обмена, с городской средой, и различные позиции в структуре управления городом, что определяет уровень регламентируемых полномочий по принятию управленческих решений. Общие для разных категорий горожан проблемы городской жизни и типизация социальной активности по их решению упорядочивают взаимодействия участников, организуют и «производят» городское пространство. В результате анализа теоретико-методологического социологического наследия возникли контуры исследовательской новизны изучаемого проблемного поля – сконструирована модель формирования партисипативного

© Бесчасная А. А., Покровская Н. Н., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

участия горожан в решении проблем городской жизни. В ней отражена последовательность преобразования от индивидуального участия по решению локальной городской проблемы до коллективного солидарного «производства пространства» в интересах реализации права на город.

Заключение. В результате обзора научного вклада ученых представлена теоретическая модель формирования городской партисипативности, которая позволяет проследить преобразование самодеятельной активности городского населения в право на город и формирование благоприятной городской среды.

Ключевые слова: партисипативность, гражданское участие, социальное действие, социальная солидарность, право на город, социальная активность.

Для цитирования: Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Городская партисипативность в социологическом дискурсе // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.06.2020; принята после рецензирования 12.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Participation in Cities in Sociological Discourse

Albina A. Beschasnaya^{1✉}, **Nadezhda N. Pokrovskaja**^{2, 3}

¹*North-West Institute of Management of RANEP, St Petersburg, Russia*

²*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia*

³*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia*

✉ aabes@inbox.ru

Introduction. The social practice of participativeness, active participation in the transformation of urban space in the interests of residents, is gaining popularity among the urban population. The study of this phenomenon is interest for obvious integration with management decisions. Expanding the practice of implementing social activity of the population and studying the components of participativeness determine the goal of writing the paper-the formation of a theoretical and methodological basis for studying this phenomenon.

Methodology and source. The paper presents a review of classical and modern sociological theories that reveal the potential of empirical study of aspects of the manifestation of participation of urban residents. Among the mentioned by the authors are the theory of social action, social solidarity, phenomenology, social constructivism.

Results and discussion. The problematic nature of living in cities and the penetration of these problems into the daily interaction of citizens forms the origins of solidary participation of citizens-individual and private interests form collective actions-processes. Multiple individual forms of citizens' activity on urban improvement are transformed into participativeness – institutionalized joint activity. Its participants can take differentiated positions in the social structure of the urban community according to the criteria of having a diverse experience of interaction, i.e. exchange, with the urban environment and taking a position in the city management structure, which determines the level of regulated authority to make managerial decisions. The problems of urban life that are common to different categories of citizens and the typification of social activity to solve them order the interaction of participants, organize and “produce” the urban space.

Conclusion. In the process of reasoning, a theoretical model of the formation of participativeness is presented, which allows us to trace the transformation of activity of the urban population into the right to the city and the formation of a favorable urban environment.

Key words: participation, civic participation, social action, social solidarity, the right to the city, social activity.

For citation: Beschasnaya A. A., Pokrovskaja N. N. Participation in Cities in Sociological Discourse. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.06.2020; adopted after review 12.07.2020; published online 26.10.2020

Введение. В современной России в последние годы наблюдается рост активного участия граждан в общественной жизни. Социальные практики разнообразны по своей направленности, целям и формам реализации. Они сфокусированы на удовлетворении интересов по созданию комфортной среды жизни, на формировании кумулятивных управленческих решений и т. д. Активность граждан реализуется участием в собраниях, общественных слушаниях, обращениях, онлайн-голосованиях и т. д. Подобные социальные факты активности населения получили свое отражение в появлении понятия «партиципативность», а основной площадкой для ее демонстрации стали города. Свидетельствами проявления городской партиципативности можно назвать резонансные события в Екатеринбурге, связанные со строительством храма в городском сквере (2019 г.), публичные слушания по строительству мусоросжигающего завода в Воскресенском районе Московской области (2017 г.), митинги в Череповце против строительства ЦБК (2013–2014 гг.), общественный резонанс вокруг строительства «Охта-центра» в Санкт-Петербурге (2011–2012 гг.) и мн. др. Вследствие роста социальной активности граждан, нередко сопровождаемой конфликтами и общественным резонансом, партиципативность привлекает к себе исследовательское внимание. В статье мы представим теоретико-методологические основы социологических исследований партиципативности с целью осмысления ее как социального феномена, определения истоков, распространения и результатов партиципативных действий и деятельности.

Методология и источники. В социологических исследованиях, посвященных партиципативным практикам, выделяются следующие характерные особенности.

Во-первых, существует многообразие терминологических формулировок, отражающих социальную активность населения партиципативного характера. Разнообразие субъектов и форм социальной активности с целью преобразования социальной реальности находит свое выражение в синонимичных к «партиципативности» понятиях. Слово «participation» (англ., фр.) / «participación» (исп.) / «partecipazione» (итал.) имеет латинское происхождение и означает «участие», «соучастие», «причастность», «сопричастность». Исследователи используют также такие формулировки, как «гражданская активность» [1], «участие в самоуправлении» [2], «гражданское участие» [3], «гражданский активизм» [4, 5], «гражданственность» [6], «солидарность» [7].

Объединяющим основанием этих понятий является проявление активности граждан в вопросах, затрагивающих их комфорт и благополучие, которая в итоге сводится к распределению ресурсов и благ. Различия же выражаются в разной направленности, в разной степени противостояния представителей различных интересов, а также в разной степени вовлеченности в общественное движение. Так, в социологических исследованиях представлены примеры изучения протестных движений по отстаиванию городских сооружений [8], гражданского активизма локализованных сообществ (профсоюзов, благотворительных и волонтерских организаций, фан-клубов) [5, с. 73], форм солидарности неравнодушного населения

(денежных пожертвований, добровольческого труда, передачи нуждающимся одежды, мебели, бытовой техники, совершения этичных покупок или бойкотов) [7] или ситуаций участия в принятии управленческих решений в профессионально-трудовой деятельности [9] и т. д. Разнообразные формы участия, действий могут отличаться степенью общественной поддержки, приобретать различный общественный резонанс и различную динамику зарождения и распространения протестных настроений [1, 2, 10–12].

Во-вторых, в исследованиях эмпирического характера просматривается стремление авторов структурировать социальную активность граждан и ответить на вопросы: кто? с какой целью? в чем конфликт интересов? какие способы и средства используются? каков результат? Особый исследовательский отклик представлен в работах, посвященных изучению социальной активности людей посредством информационно-коммуникационных сетей. Авторы признают, что информационные технологии увеличили потенциал партисипативного участия людей в общественной жизни [13, 14]. В первую очередь это связано с тем, что значительно растут численность и информированность участников в обсуждении проблемных вопросов, а институты демократии приобрели дополнительный инструмент для волеизъявления населения. Таким образом, партисипативность проявляет себя как право человека на выражение собственных интересов и действий, эффективная реализация которого происходит благодаря приумножению участников-субъектов права. Поэтому под городской партисипативностью мы понимаем активное участие горожан по решению проблем городского благоустройства, по вопросам развития городского пространства в интересах городских жителей, которое в совокупности является выражением прав человека в управлении городом.

Партисипативность по вопросам благоустройства городов получила особое внимание в эмпирических исследованиях. Изучение городской партисипативности разнообразно. Широкий пласт проблем участия горожан в городских процессах рассмотрен Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой; здесь присутствуют вопросы формирования дифференцированных паттернов поведения участников «локальных сообществ», участия городских движений в продвижении политических и экономических интересов в преобразовании городских объектов и пространств [15, 16]. Например, в работах Л. А. Видясова, В. В. Колодий и их исследовательских коллективов отмечено, что создание высококомфортной городской среды, «города равных возможностей» или «умных городов» невозможно представить без вовлечения граждан в управление, без возникновения самоорганизующихся локализованных городских общин, коллегиального принятия решений о внедрении «умных сервисов» [17, 18]. А. К. Трофимова раскрывает интерес урбанистов к выработке технологии создания концепции развития городов и определению функциональности городских общественных пространств посредством обсуждения с населением и проведения социологических опросов. Данный опыт описан автором на примере развития экстрим-парка г. Перми [19]. Усовершенствование «сервисной» модели социального управления на муниципальном уровне, как подтверждает С. Э. Мартынова, обеспечивается благодаря регулярному мониторингу удовлетворенности населения развитием города и качеством городской инфраструктуры [20] и т. д.

В целом можно отметить, что факты партисипативности в современной России являются пока незаурядными событиями. Этому способствуют как социально-психологический

феномен «безбилетника» (пассивного большинства, по выражению Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой), так и нормативно-правовой регламент, сдерживающий проявление публичной и коллективной социальной активности населения. Поэтому случаи партисипативных практик притягивают к себе внимание СМИ и фокус эмпирических исследований.

Города в настоящее время переживают сложный период, образно выражаясь, время «поиска себя» в изменившихся социально-экономических и технологических условиях. Одни испытывают активный рост и привлекают к себе разнообразные ресурсные потоки, другие пребывают в состоянии ожидания итогов перемен без попытки интегрироваться в них, третьи пытаются использовать ранее имевшийся индустриальный потенциал для поиска новых направлений городского развития. Во всех категориях городов какие-либо изменения возможны или происходят благодаря деятельному участию городского населения. Формирование полной картины данного социального феномена невозможно без теоретико-методологического осмысления истоков, распространения и результатов партисипативных действий и деятельности.

Результаты и обсуждение. Социальное явление партисипативности и научная дефиниция «партисипативность» с методологической точки зрения являются понятиями, позволяющими преодолеть разобщенность повседневного восприятия социальной реальности и научно-теоретического анализа. Партисипативность – коллективная деятельность, подразумевающая многочисленность участия, общность интересов и невозможность обнаружения данного явления в условиях единолично-индивидуального самовыражения субъекта. Данная особенность партисипативности как социального явления формирует «зонтичный» характер понятия, в котором находят взаимное согласие персональная и социальная реальности, индивидуальная и общественная плоскости взаимодействия, личные интересы и цели социума, персональная и коллективная ответственность за действия и их результаты. Социологический анализ партисипативности в разных аспектах жизнедеятельности человека и общности позволяет обнаружить широкий пласт методологического базиса для осмысления партисипативной проблематики.

Наследие классической социологии обладает очевидной методологической основой для изучения партисипативности как проявления активной позиции городского населения в вопросах преобразования городской среды. Во-первых, это теория социального действия М. Вебера, заложившая фундамент изучения повседневности в контексте социальных практик. Во-вторых, это теория социальной солидарности Э. Дюркгейма, получившая в настоящее время развитие в социологии сплоченности и включенности.

Теория социального действия М. Вебера является исходной для понимания партисипативности в действиях городского населения. Согласно представлениям М. Вебера акторы придают своим социальным действиям субъективный смысл и строят их исходя из взаимной ориентации. Индивид и его действия являются базовыми единицами образования социальных процессов, явлений, объединений. В социальных действиях людей сконцентрирована направленность их интереса и осмысленность мотивов [21, с. 602, 623]. Поэтому партисипативность как индивидуальное *социальное действие* является следствием пробуждения определенного интереса городского жителя к социальному факту городской жизни и образования мотива действия по удовлетворению этой заинтересованности. Зачастую жизнь в городе вскрывает проблемы, затрагивающие жизнь многих жителей, например, дис-

комфорт городской среды, скудную инфраструктуру, перепланирование селитебных территорий и т. д. Проблемный характер проживания в городах и проникновение этих проблем в повседневное взаимодействие горожан формируют истоки *солидарного участия* горожан – индивидуально-частные интересы образуют коллективные действия-процессы.

Городская партисипативность как коллективное участие, с точки зрения классификации социальных действий М. Вебера, может рассматриваться как целерациональное, ценностно рациональное и традиционное. В данной последовательности просматривается динамика *институционализации* партисипативности – от осмысления потребности в преобразовании городской жизни через придание совместному действию, общим интересам и целям горожан ценностного характера до формирования традиции участия в жизни города, его облагораживания, *опривычивания* и признания *нормы* данной деятельности. Таким образом, такое социальное действие в соответствии с мотивами и ожиданиями множества субъектов формирует взаимодействия солидарной направленности и создает «культуру разрешения конфликтов гражданского общества». Такое мнение высказала французский социолог Карин Клеман, изучающая протестные движения в России, в том числе на примере инцидента вокруг Химкинского леса и строительства скоростной трассы «Москва–Санкт-Петербург» (2007–2012 гг.). История с Химкинским лесом свидетельствует об остром столкновении представителей различных интересов. В качестве выхода из кризисной ситуации был выбран диалог между гражданскими активистами и представителями власти, «всевозможные формы общественных обсуждений и общественного контроля» [22].

Социальная солидарность в формировании социального взаимодействия людей в обществе, согласно взглядам Э. Дюркгейма, обладает цементирующей силой в формировании целостности общества. *Взаимный обмен* индивидов результатами труда, т. е. *действий* и деятельности, создает между ними взаимозависимость. В данном обмене, с одной стороны, происходит индивидуальное самовыражение актора. Но с другой стороны, это взаимодействие (обмен) регулируется определенными целями и идеалами, разделяемыми участниками этого взаимодействия, поэтому оно сопровождается *обязательствами и ответственностью* между ними [23, с. 215].

Участие горожан в жизни города, в деятельности по преобразованию городского пространства и городской инфраструктуры представляет собой объединение их *совместных действий* по решению городских проблем. При этом индивидам принадлежат дифференцированные позиции в социальной структуре городского сообщества. Во-первых, это городские жители, которые могут быть представителями разных возрастных и профессиональных групп, социально-экономических слоев и т. д. Данные категории городского населения имеют разнообразный *опыт* взаимодействия, т. е. обмена, с городской средой, благодаря чему возможны проявления их удовлетворенности или неудовлетворенности от проживания в конкретном городе, а также генерализация их *пожеланий и мотивов* городских преобразований. Во-вторых, городское население занимает дифференцированные позиции в структуре управления городом. Одной части горожан принадлежат полномочия и *право* принятия решений (в контексте условного общественного договора) по развитию и управлению *городом* (городским хозяйством, инфраструктурой, городским пространством и т. д.). Другая же часть городского населения является «потребителями» городского образа и условий жизни, смоделированных в результате *реализации* полномочий и *прав* первой части. Использование

права на город одними участниками взаимодействия и потребление следствий этих прав, т. е. управленческих решений, другими являются примером обмена результатами действий акторов из разных социальных групп в управленческой иерархии. Таким образом, теория социальной солидарности раскрывает истоки возникновения взаимодействия и сотрудничества индивидов, занимающих различные социальные позиции в социально-стратифицированной и управленческой структурах городского сообщества. Специфика социального явления и понятия партисипативности позволяет понять глубинные смыслы теории социальной солидарности и рассмотреть коллективное сознание и коллективные представления в качественно новом ракурсе.

Социальная солидарность, по Э. Дюркгейму, имеет истоки возникновения в профессиональном разделении труда, преобразуясь из механической в органическую. Органическая социальная солидарность создает условия для расцвета индивидуализма и потери авторитета коллективных, образующих общество ценностей, противодействующих раздробленности и аномии. Разрешение этого противоречия ученый видел в создании новых органов общественной солидарности, которые выполняли бы морально-культурные функции и регулировали бы отношения между людьми, способствуя развитию личности. Такой формой взаимодействия людей по достижению компромисса между индивидуальным и коллективным сознанием, между личными и общественными интересами является институт партисипативного участия горожан в моделировании и управлении городом.

Для людей партисипативное участие в жизнедеятельности города является индивидуальным актом, продиктованным собственным опытом взаимодействия в городском социальном пространстве. Данный опыт является уникальным *в жизненном мире* индивида, но вследствие общей принадлежности города множеству людей данный опыт становится типичным. Поэтому побудительные мотивы по преобразованию и созданию городской среды, отвечающей интересам и потребностям людей, оказываются характерными для многих или большинства городских жителей. Идея совместного участия и деятельности людей, итоги которых непосредственно проявятся в повседневной жизни каждого участника, предстает именно той общей ценностью, которая нивелирует индивидуализм и делает коллективные представления «правилами». Идеалы, ценности, нормы согласно этнометодологии формируют разделяемое согласие в контексте жизненных миров акторов [24, с. 39].

Пространство городов как вместилище жизненных миров городских жителей является местом рефлексии повседневного устройства и самовыражения. Согласно феноменологическим положениям А. Шюца, повседневный жизненный мир обладает характеристиками, в которых очевидным образом прослеживается партисипативное участие индивидов [25, с. 83–86]:

- жизненный мир является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью;
- жизненный мир – это та область реальности, которая представлена в качестве простой данности, несомненной и непроблематичной – «действительность само собой разумеющаяся»;
- жизненный мир – изначально мир, общий с другими людьми.

Жизненный мир – это действительность, которая изменяется с помощью социальной активности субъектов и которая, в свою очередь, меняет поступки индивидов. Естественная установка в отношении мира повседневной жизни определяется *прагматическим мотивом*.

Поэтому проживание в городской среде предполагает переход от индивидуального социального действия к коллективному как типичному, олицетворяющему действие людей в идентичных условиях и обстоятельствах жизни. Однако типизация строится на решении новых проблем, возникающих в городском пространстве и проникающих в жизненные миры городских жителей. Таким образом, небеспоблемная жизнь горожан, и именно наличие таких проблемных ситуаций и их совместное решение, общность интересов, целей, ценностей создают основу для совместного активного участия. Типичное социальное действие в городском социальном пространстве создает основу для формирования *самосознания* и *идентичности* городского населения и упорядочения представлений индивидов об организации городского взаимодействия. Объединяющими мотивами совместной преобразовательной деятельности индивидов являются мотивы «потому, что» и «для того, чтобы». Возникшие по причине подобных мотивов городские сообщества пробуждают своей деятельностью к ответной активности городские власти и участников городской жизни (девелоперов, собственников земельных участков и др.). Организованная акция «Обними пруд» в Екатеринбурге, красноярский проект «Бесплатные велосипеды», воркаут-зона на набережной в Саратове, фестиваль «Велочочь» в Краснодаре, общественно-культурный центр ТЕХТІІ в Ярославле стали итогом объединения действий городской общественности и городских структур [26]. В них просматриваются аспекты прошлого опыта субъектов действий и оценка перспектив развития, выступающие основой возникновения коллективной идентичности.

Общий характер проблем городской жизни и типизация социальной активности городского населения в направлении преобразования городского пространства упорядочивают взаимодействие и организацию социальной реальности. Индивид участвует в формировании социальных взаимодействий в пространстве городов как представитель определенного социального статуса, как носитель определенных ценностей и смыслов и исполнитель соответствующих социальных норм, укоренившихся, согласно П. Бурдьё, в сознании под действием объективных структур. Характер и направленность социальной активности субъекта деятельности является слепком определенного *габитуса*. Как отмечает П. Бурдьё, габитус является одновременно и продуктом социальных условий (объективированных предыдущих практик), и средством, управляющим поведением индивида в обыденных ситуациях, и средством, изменяющим и вновь упорядочивающим поведение индивида в обыденных ситуациях (средством объективирования практик) [27]. Другими словами, повседневная деятельность городского жителя как «потребителя» города, сформировавшаяся в определенных условиях жизни, воспроизводит привычный паттерн действий. «Габитус – это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т. е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик» [28, с. 60]. Габитус подчеркивает сформированность его в соответствии со средой обитания, социальным окружением, запросами, интересами, ценностями индивидов. Но изменимость городской жизни и нарушение рутинизации повседневных *социальных практик* подталкивает индивидов к необходимости создания новых моделей социальных действий, которые бы сняли противоречия в городской жизнедеятельности.

Несмотря на то, что габитус является абстрактной конструкцией, он выражается в физических объектах, территориях, деятельности и символах. Город – это совокупность габитусов. Город, как общее пространство жизни горожан, воспринимается совершенно по-раз-

ному в зависимости от их особенностей (пол, возраст, национальная принадлежность, материальная обеспеченность, интересы, включенность в различные практики и т. д.). Поэтому город является воплощением различных смыслов, приписываемых «общему» пространству различными сообществами [29, с. 100]. В связи с этим проблемы городской жизни могут носить локальный и общий характер, соответственно могут быть характерными как для отдельной социальной группы горожан, так и для всего городского сообщества. Красноречивым примером формирования нового габитуса горожан и города, а также обоюдной реализации права на город разными сторонами городского проживания является формирование новых моделей взаимодействия на базе городских интернет-порталов «Наш город», которые есть пока лишь в некоторых крупных российских городах [30, 31]. С помощью данных сайтов происходит сбор «сигналов» от горожан о проблемных зонах жизни города и реагирование на них городских властей и служб. Поэтому характер проблем наряду со сходством условий жизни, идентичностью социальных позиций городских жителей определяет гомологичность их габитуса. Локальные городские проблемы создают потенциал усиления социальной дифференциации индивидов и ее закрепления в зонировании и сегрегации городского пространства. Как отмечал в начале XX в. Р. Парк, сообщества на основе близости интересов, расовой и социально-экономической принадлежности своих членов образуют сегрегированные ареалы территорий. Социальная идентичность и общность габитуса формируют стремление к образованию закрытых сообществ и закрытых локализованных территорий в городском пространстве [32, с. 24–25].

Однако непроницаемость ментальных и физических границ гомологичных габитусов не столь жестка. Их преодоление заложено в усилении самих городских проблем, которые прежде эти барьеры сформировали. Иными словами, первоначально угрожающий характер проблем в городском пространстве детерминирует инстинктивное стремление людей к психологическому дистанцированию и географическому отгораживанию от них, но впоследствии, с ростом негативных проявлений проблемных ситуаций, возникает необходимость совместного противодействия им со стороны городского населения.

В процессе признания большинством населения наличия проблемы и реагирования на ее решение происходит формирование институций, призванных обеспечивать консенсус интересов и действий, объективных и субъективных сторон социальной реальности городского пространства. Общепризнанность городской социальной проблемы создает основу для коллективных действий, ведет к сокращению изолированности горожан друг от друга и институционализации их социальных практик партисипативного характера. Таким образом, через воспроизведение и модернизацию сформированных социальных практик происходят преемственность и преобразование ранее полученного опыта.

Как отмечает А. Лефевр, в процессе повседневного взаимодействия, индивидуального или коллективного, субъекты социальных действий инкорпорируются в социальное пространство. Принятие социального пространства в городском контексте, например, происходит посредством прохождения триады «восприятие – осмысление – переживание». Итогом взаимодействия субъекта со средой оказывается «производство пространства» [33, с. 46–48]. В производстве пространства субъекты реализуют свое «право на город» – понятие, введенное также А. Лефевром.

Согласно этому автору социальное пространство состоит из пространственной практики, репрезентации пространства и пространства репрезентаций. Если в первых двух компонентах просматривается потребительское и воспроизводящее отношение индивидов к социальному пространству, то в третьем компоненте заключено моделирующее участие людей в той среде, в которой они обитают. А. Лефевр характеризовал его как переживаемое. Переживание придает эмоциональный смысл предметам и событиям, происходящим в определенном времени и месте, создает новые качественные характеристики пространства и динамику изменений. Пространство репрезентаций является конфликтогенным, так как реализация прав индивидами сопровождается столкновением личного и общественного [33, с. 51–55]. В реализации социальных практик моделирования городского пространства, в расширении возможностей использования жителями благ, предоставляемых городскими территориями, находит отражение «право на город». Поэтому А. Лефевр настаивал на необходимости активного участия городского населения в управлении городским пространством, его предназначением и использованием в интересах различных представителей городских жителей.

Таким образом, «право на город» преобразовало просто проживание индивида в городе «в пределах дозволенного» в «переживания» и преобразования им города. Право на город – это не просто «право горожан выходить на улицы или пользоваться многообразными возможностями городской жизни, но и их право “обживать” город, поддерживая комфортные для себя привычки и традиции, отстаивать свои представления о должном политическом, экономическом и инфраструктурном развитии города, заявлять о своих интересах и быть услышанными» [34].

Право как социальное явление априори является производным от социального взаимодействия и содержит дихотомический компонент – ответственность. Партиципативность в вопросах участия в городской жизнедеятельности позволяет реализовать солидарное, общее «право на город». Проявление солидарности в современных трактовках расширилось до формирования социологии сплоченности и включенности (инклюзии). Сплоченность предстает как необходимый атрибут партиципативных действий, так как характеризуется эмоциональными и вовлеченными связями, отражающими согласие, принадлежность, консолидацию, идентичность, сотрудничество, кооперацию, взаимность, вовлеченность, инклюзию, чувство общности [35, с. 10]. В современных социальных исследованиях выделяются и исследуются различные виды социальной сплоченности. Она рассматривается как: а) приверженность общему благу; б) взаимная выгода; в) ответ на угрозу; г) ресурс власти; д) ресурс взаимопонимания; е) инклюзия [36]. В связи с этим партиципативность предстает как деятельность, обобщающая активность субъектов городского пространства в интересах создания «мой дом», «моя улица», «мой город». Так как А. Лефевр считал истинными горожанами лишь активных граждан и отказывал пассивным жителям в возможности называться субъектами городского пространства, то подобный подход позволяет трактовать сплоченность и реализацию «права на город» как базовые компоненты партиципативного участия городского населения в жизнедеятельности города.

Результатом предложенного анализа являются контуры теоретико-методологической модели городской партиципативности (рисунок).

Теоретико-методологическая модель городской партисипативности
Theoretical and methodological model of urban participation

Заключение. Партисипативное участие, т. е. активное, деятельное участие индивида в общественной жизни, самопрезентация себя в социуме есть социальное действие человека. Оно обусловлено определенным смыслом и целью, продиктованными спецификой жизненного мира и габитуса, и направлено на преобразование пространства жизни. Цель партисипативного социального действия, сопряженная с ценностно-нормативным компонентом городского сообщества и соответствующая социально-классовой (слоевой) принадлежности индивида в целом, формирует определенную модель поведения (участия) городского населения как представителей определенного внутригородского сообщества. Данные сообщества обладают дифференцированными характеристиками, которые в рамках партисипативного участия могут либо нивелироваться (когда социальные различия сглаживаются), либо, напротив, усиливаться. В первом случае наблюдается возникновение community, что обеспечивает коллегиальность и добрососедство в преобразовании городского пространства и городской жизни. Во втором – закрепление атрибуций статусной принадлежности, что воспроизводит структурирование общества и сегрегацию социального пространства.

Воспроизводимое и систематически повторяемое партисипативное социальное действие в контексте общей, разделяемой многими субъектами, цели создает феномен социальной солидарности как взаимозависимости индивидов от результатов действий (бездействия) друг друга. Осуществление социального действия субъектами с целью участия в жизни города, выявления проблемных зон в городской среде и выработки связанных с ними решений создают ситуацию производства социального пространства и реализации индивидами права на город. Следовательно, партисипация городского населения есть механизм реализации права на город. И в работах классиков социологии, и в трудах современных ученых отражены размышления о преобразовании общества с целью гармонизации интересов и отношений между людьми, снижения и сокращения конфликтных ситуаций, поэтому партисипативность присутствует незримым контекстом во многих теоретических построениях.

Обнаружение партисипативного контекста в классических и современных подходах к анализу социальной реальности в сочетании с наблюдаемым тернистым становлением

либеральных ценностей позволяет утверждать, что социальная активность горожан является неотъемлемым условием формирования цивилизованного общества, в котором уравниваются интересы представителей разных социальных общностей, а города становятся площадками выражения свободы: «Городской воздух делает свободным» (средневековая немецкая поговорка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонов К. А. Восприятие экологических рисков: экспертные оценки и общественное мнение // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. № 1. С 102–110. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.110>.
2. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Самоуправленческий потенциал населения российских регионов (на примере Тверской области) // Социол. исслед. 2015. № 7. С. 80–88.
3. Климова С. Г., Климов И. А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социол. исслед. 2015. № 4. С. 51–57.
4. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социол. исслед. 2019. № 2. С. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.
5. Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социол. исслед. 2015. № 4. С. 72–77.
6. Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социол. исслед. 2016. № 11. С. 97–106.
7. Шабанова М. А. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов // Социол. исслед. 2017. № 8. С. 31–44.
8. Никифоров А. А. Траектории городской протестной повестки в современной России. Город. Среда. Политика. 2018: сб. мат. науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Гайнутдиновой, М. В. Невзорова. СПб.: РГПУ, 2019. С. 20–24.
9. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Любых Ж. С. Участие российских работников в процессе принятия решений в отечественных и иностранных компаниях // Социол. исслед. 2014. № 12. С. 41–50.
10. Артюхина В. А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.
11. Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социол. исслед. 2014. № 6. С. 127–133.
12. Шаталова А. Н., Тыканова Е. В. Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга) // Журн. социологии и социальной антропологии. 2018. Т. XXI, № 4. С. 63–84. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.3>.
13. Атанесян А. В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социол. исслед. 2019. № 3. С. 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
14. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества / В. К. Левашов, В. К. Сарьян, А. П. Назаренко и др. // Социол. исслед. 2016. № 9. С. 13–20.
15. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
16. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Конфигурации взаимодействия петербургских организаций общественных движений, нацеленных на улучшение качества городской среды // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28395> (дата обращения: 05.05.2020). DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.7.
17. Видясова Л. А., Тензина Я. Д., Видясов Е. Ю. Восприятие концепции «умного города» активными горожанами в Петербурге // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 404–419. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.402>.

18. Колодий В. В., Колодий Н. А., Чайка Ю. А. Активизм и партисипаторность: социальные технологии сотрудничества с городским населением в процессе «производства» городского пространства // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 175–185. DOI: 10.17223/1998863X/38/18.

19. Трофимова А. К. Создание качественного общественного пространства на основе формирования функционального контента (на примере экстрим-парка г. Перми) // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. 2016. Т. 2. С. 69–76.

20. Мартынова С. Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015.

21. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левина, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.

22. Очетова Ю. Химкинский лес – модель для решения конфликтов? // BBC NEWS Русская служба. 25 мая 2011. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/05/110524_khimki_protest (дата обращения: 25.05.2020).

23. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.

24. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.

25. Абельс Х. Интеракция. Идентичность. Презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. под общ. ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000.

26. Шестая власть: городские активисты // Бюллетень городов России. 2017. № 3. URL: <https://media.strelka-kb.com/bulletin3-activists> (дата обращения: 05.05.2020).

27. Бурдьё П. Структура, габитус, практика / пер. Н. А. Шматко // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 25.05.2020).

28. Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/5chmat.html> (дата обращения: 25.05.2020).

29. Бесчасная А. А. Урбанистическое детство: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2016.

30. Портал «Наш город Москва». URL: <https://gorod.mos.ru> (дата обращения: 05.05.2020).

31. Портал «Наш город Санкт-Петербург». URL: <https://gorod.gov.spb.ru> (дата обращения: 05.05.2020).

32. Парк Р. Город. Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 19–56.

33. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.

34. Как реализовывать «право на город»? Фонд Е. Гайдара. 19.03.2012. URL: <http://club.gaidarfund.ru/articles/1162/> (дата обращения: 25.01.2020).

35. Симонова О. А. Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах: характерные черты и исследовательские стратегии: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2015. № 4. С. 5–27.

36. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: Направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 4. С. 41–61.

Информация об авторах.

Бесчасная Альбина Ахметовна – доктор социологических наук (2017), доцент (2008), профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Средний пр. В. О., д. 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия. Автор более 90 научных пуб-

ликаций. Сфера научных интересов: социология детства, социология города, социология образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9432-043X>. E-mail: aabes@inbox.ru

Покровская Надежда Николаевна – кандидат экономических наук (2000), доктор социологических наук (2008), профессор (2017), профессор кафедры связей с общественностью и рекламы института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор более 400 научных публикаций. Сфера научных интересов: регуляция, поведенческие модели, принятие решений, знания, цифровая экономика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>. E-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru

REFERENCES

1. Platonov, K.A. (2016), "The perception of environmental risks: expert assessments and public opinion", *Vestnik of St Petersburg Univ. Series 12. Sociology*, iss. 1, pp. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.110>.
2. Maykova, E.Yu. and Simonova, E.V. (2015), "Potential of popular self-government in Russia's regions (the case of Tver)", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 80–88.
3. Klimova, S.G. and Klimov, I.A. (2015), "Interactions of urban dwellers with powers: competent participation and problem of intermediaries", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 51–57.
4. Mikhaylenok, O.M. and Malysheva, G.A. (2019), "Political Effects of Social Networks in Russia", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 78–87. DOI: [10.31857/S013216250004012-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004012-6).
5. Trofimova, I.N. (2015), "Civic activism in Russian society: features of localization", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 72–77.
6. Gavriliuk, V.V., Malenkov, V.V. and Gavriliuk T.V. (2016), "Contemporary models of Russian citizenship", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 97–106.
7. Shabanova, M.A. (2017), "Traditional and new solidarity practices in the universe of consumer goods and resources", *Sociological Studies*, no. 8, pp. 31–44.
8. Nikiforov, A.A. (2019), "Trajectories of the urban protest agenda in modern Russia", *City Wednesday. Politics. 2018. Collection of materials of the scientific and practical conference*, in by Gainutdinova, L.A. and Nevzorov, M.V. (eds.), Herzen Univ., SPb., RUS, pp. 20–24.
9. Efendiev, A.G., Balabanova, E.S. and Liubkyh, Zh.S. (2014), "Russian employees' participation in decision taking in domestic and foreign-owned companies", *Sociological Studies*, no. 12, pp. 41–50.
10. Artjukhina, V.A. (2017), "Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 30–34. DOI: [10.7868/S0132162517110046](https://doi.org/10.7868/S0132162517110046).
11. Ushkin, S.G. (2014), "Consumers' comments on protest actions in the Russian-language Youtube segment", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 127–133.
12. Shatalova, A.N. and Tykanova, E.V. (2018), "Informal practices of the public hearing participants (the case of Saint Petersburg)", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XXI, no. 4, pp. 63–84. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.3>.
13. Atanesyan, A.V. (2019), "The Journal of Sociology and Social Anthropology", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 73–84. DOI: [10.31857/S013216250004280-1](https://doi.org/10.31857/S013216250004280-1).
14. Levashov, V.K., Sar'yan, W.K., Nazarenko, A.P., Novozhenina, O.P., Toshchenko, I.Zh., Sushpanova, I.S. and Salomatina, E.V. (2016), "Civil society in the networks of information and communication technologies", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 13–20.
15. Tykanova, E.V. and Khokhlova, A.M. (2014), "Trajectories of Local Communities Self-Organisation in City Space Contests", *Sociology of power*, no. 2, pp. 104–122.

16. Tykanova, E.V. and Khokhlova, A.M. (2019), "Interaction configuration of St. Petersburg social movements organizations aimed at improving the urban environment quality", *Social Area*, no. 5 (22), available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28395> (accessed 05.05.2020). DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.7.

17. Vidasova, L.A., Vidasov, E.Y. and Tensina, Y.D. (2018), "Perception of the "Smart City" concept by active citizens in St. Petersburg", *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no. 4, pp. 404–419.

18. Kolodii, V.V., Kolodii, N.A. and Chaika, Yu.A. (2017), "Activism and participation: social technologies of cooperation with urban population in the process of "production" of urban space", *Tomsk State Univ. Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, no. 38, pp. 175–185. DOI: 10.17223/1998863X/38/18.

19. Trofimova, A.K. (2016), "Design quality public space based on the formation of the functional content (for example, Extreme Park in Perm)", *Sovremennye tekhnologii v stroitel'stve. Teoriya i praktika* [Modern Technologies in Construction. Theory and Practice], no. 2, pp. 69–76.

20. Martynova, S.E. (2015), «*Servisnaya*» model' munitsipal'nogo upravleniya v sotsiologicheskoi interpretatsii ["Service" model of municipal management in sociological interpretation], *Sotsial'no-gumanitarnoe znanie*, SPb., RUS.

21. Weber, M. (1990), *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Transl. by Levin, M.I., Filipov, A.F. and Gaidenko, P.P., in Davydov, Yu.N. (ed.), Progress, Moscow, USSR.

22. Ochetova, Yu. (2011), "Khimki Forest – a Model for Conflict Resolution?", *BBC NEWS. Russian service*, available at: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/05/110524_khimki_protest/ (accessed 05.05.2020).

23. Durkheim, E. (1991), *De la division du travail social*, Transl. Gofman, A.B., Nauka, Moscow, RUS.

24. Garfinkel, H. (2007), *Studies in ethnomethodology*, Piter, SPb., RUS.

25. Abels, H. (2000), *Interaktion, Identität, Präsentation*, Transl. and in by Golovin, N.A. and Kozlovskii, V.V. (eds.), Aleteiya, SPb., RUS.

26. "Sixth Estate: City Activists" (2017), *Byulleten' gorodov Rossii* [Bulletin of Russian cities], no. 3, available at: <https://media.strelka-kb.com/bulletin3-activists> (accessed 05.05.2020).

27. Bourdieu, P. (1998), "Structure, habitus, practice", Transl. by Shmatko, N.A., *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, iss. 2, available at: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (accessed 25.05.2020).

28. Shmatko, N.A. (1998), "Habitus" in the structure of sociological theory", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, iss. 2, available at: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/5shmat.html> (accessed 25.05.2020).

29. Beschasnaya, A.A. (2016), *Urbanisticheskoe detstvo: sotsiologicheskii analiz* [Urban childhood: a sociological analysis], Asterion, SPb., RUS.

30. Portal "Our city is Moscow", available at: <https://gorod.mos.ru> (accessed 05.05.2020).

31. Portal "Our city is St. Petersburg", available at: <https://gorod.gov.spb.ru> (accessed 05.05.2020).

32. Park, R. (2011), "Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment", *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov* [Selected Essays: Collection of Translations], INION RAN, Moscow, RUS, pp. 19–56.

33. Lefebvre, H. (2015), *La production de l'espace*, Transl. by Staf, I., Strelka Press, Moscow, RUS.

34. *Kak realizovyvat' «pravo na gorod»? [How to exercise the "right to the city"?]* (2012), *Yegor Gaidar Foundation*, available at: <http://club.gaidarfund.ru/articles/1162/> (accessed 25.01.2020).

35. Simonova, O.A. (2015), "Socio-Cultural Practices of Cohesion in Contemporary Societies: Characteristics and Research Strategies: An Introduction to the Topical Section", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, no. 4, pp. 5–27.

36. Iarskaia-Smirnova, E. and Yarskaya, V. (2014), "SOCIAL COHESION: DIRECTIONS OF THEORETICAL DISCUSSION AND PERSPECTIVES FOR SOCIAL POLICY", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no. 4, pp. 41–61.

Information about the authors.

Albina A. Beschasnaya – Dr. Sci. (Sociology) (2017), Docent (2008), Professor at the Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management of RANEPА, 57/43 Srednii pr. V. O., St Petersburg 199178, Russia. The author of over 90 scientific publications. Area of expertise: sociology of childhood, sociology of a city, sociology of education. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9432-043X>. E-mail: aabes@inbox.ru

Nadezhda N. Pokrovskaia – Can. Sci. (Economy) (2000), Dr. Sci. (Sociology) (2008), Professor (2017), Professor at the Department of Public Relations and Advertising, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia; Professor of the Higher school of media-communications and PR, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of over 400 scientific publications. Areas of expertise: regulation, behavioral models, value-normative regulation, making decisions, knowledge, digital economy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>. E-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru